

## ПОЛИТИКА РОССИИ В ДАГЕСТАНЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ НА РУБЕЖЕ XX И XXI СТОЛЕТИЙ ГЛАЗАМИ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

---

*С. И. Муртузалиев, профессор, заведующий кафедрой истории стран Европы и Америки Дагестанского государственного университета, доктор исторических наук, г. Махачкала*

Осознавая всю новизну нынешней ситуации, ее быструю изменчивость, наложение процессов модернизации и трансформации на традиционное общество, особенно отчетливо представленное на Северном Кавказе, предлагаем уважаемому читателю видение рассматриваемых проблем глазами населения, проживающего в данном регионе. Для начала заметим, что в отечественной историографии и политике Кавказ давно воспринимался как пограничный регион. Одна из причин этого в том, что он четко ограничивается естественными границами – морями с севера и запада, а Большой Кавказский хребет сделал Кавказ связующим мостом между севером и югом. С древнейших времен Северный Кавказ выполнял троякую геополитическую функцию: преграды, транзитного пути и стратегического региона. Поэтому Кавказ всегда оказывался в центре открытой и/или «подковерной» борьбы между великими державами древности, средневековья, нового и новейшего времени, которые стремились реализовать здесь свои военно-стратегические и экономические интересы и распространить свои цивилизационно-культурные, ценностные системы.

История государственного развития политически раздробленного Дагестана оказала большое влияние на процессы формирования этничности. Ко времени российского завоевания народы Дагестана находились на разных уровнях этнической консолидации, хотя у всех была, в целом, однотипная социальная (джамаатская) структура.

К настоящему времени Дагестан населен множеством средних и не-больших по численности народов, большая часть которых не имеет само-

стоятельного этнического статуса, а зачислена в состав других более крупных по численности народов. Вместе с тем, малочисленные народы продолжают сохранять свое этническое самосознание, которое отличается многоуровневым характером.

Акцентирование внимания именно на Северном Кавказе объясняется тем, что исследователи справедливо разделяют понятия «Южный федеральный округ» и «Северный Кавказ» как историко-культурную область и как действительно проблемный регион<sup>1</sup>. Северный Кавказ – регион со сложной социальной и культурной мозаикой. Здесь компактно проживают представители более 40 этнических общностей российского народа, которые имеют давние исторические связи между собой и с остальной Россией и сохраняют свою культурную самобытность.

Этнический и исторический факторы не являются основной причиной проблем и конфликтов в регионе. Конфликты носят здесь сложный характер, имеют внутренние и внешние причины, но ни один из них не запрограммирован историей или человеческой природой. Р. Г. Абдулатипов справедливо отметил тот факт, что участники этнических конфликтов часто стремятся видеть разрешение конфликта в обретении своим народом национальной государственности. В РФ этно-территориальные споры и конфликты главным образом сконцентрированы на Северном Кавказе<sup>2</sup>.

Северный Кавказ имеет для России важнейшее экономическое значение, являясь составной частью хозяйственного комплекса РФ, без которого невозможно обеспечить экономическую безопасность страны. В последнее время регион стал зоной острой конкуренции многих мировых держав, желающих экономически закрепиться в Прикаспийском и Причерноморском ареалах.

Основу публикуемых материалов составляют эмпирические исследования, проведенные нами самостоятельно или совместно с другими учеными Дагестана в период с 1998 г. по 2005 г. Поскольку в небольшой главе невозможно охватить все аспекты рассматриваемой проблемы, мы остановимся только на некоторых и начнем с проблемы миграции.

I. На рубеже веков обострение геополитической ситуации на Кавказе изменило статус северокавказских субъектов РФ, превратив их в зону переселения, активизировались процессы трудовой миграции, в ряде субъектов изменилась динамика внутренней миграции. Современная миграция населения представляет собой многогранное явление, которое влияет на многие стороны развития общества – экономику, политику, демографические процессы, национальные отношения, идеологию и религию.

---

<sup>1</sup> Тишков В. А. Кризис понимания России // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 г. / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. – М., 2005, с. 89.

<sup>2</sup> Абдулатипов Р. Г. Заговор против нации: национальное и националистическое в судьбах народов. – СПб., 1992, с. 138.

Исторически проблемы, находящиеся в плоскости социально-экономических и политических аспектов жизни региона, во многом проистекают из специфической этнической и региональной структуры республики. Если рассматривать миграционные потоки сквозь призму их воздействия на социально-экономическую ситуацию в Дагестане, то можно выделить следующие довольно крупные направления в этом процессе:

1. Отток населения Дагестана за пределы республики (в 2003 г. миграционный прирост населения РД составил минус 5206 чел. при почти 40 тыс. чел., выехавших за пределы региона);

2. Отток высококвалифицированного русскоязычного населения;

3. Большое количество экономических мигрантов из соседних стран СНГ (по данным миграционной службы РД в прошлом году государственную границу России со стороны Дагестана пересекло около 500 тыс. чел.);

4. Приток вынужденных мигрантов (с 1992 г. на территории РД насчитывается по официальным данным около 6659 чел.);

5. Миграции по линии город-село (около 27 тыс. чел. участвовало во внутриреспубликанских миграциях, и если раньше города характеризовались положительным миграционным приростом, то уже с 2001 г. города замечен стабильный отток населения в сельские районы).

Следует учитывать и такой фактор, как предрасположенность тех или иных этносов к миграциям. Например, около четверти представителей даргинской национальности живут вне Республики Дагестан, тогда как аварцев и кумыков – по 18%. Лакцы же очень активны во внутренних миграциях – 62% из них живут в городах. У других народов доля горожан составляет: у кумыков – 47%, лезгин – 38,0%, аварцев – 31,8%, даргинцев – 31,5%. По результатам проведенного исследования среди даргинцев и аварцев можно говорить о том, что они различаются своей предрасположенностью к миграционной активности. На вопрос «Есть ли у Вас желание выехать за пределы Дагестана на длительный срок?» 60% респондентов даргинской национальности ответило положительно, тогда как у аварцев такое желание изъявили лишь 36% опрошенных. При этом аварцы, которые все же хотели бы выехать за пределы РД, больше предрасположены к скорому возвращению на родину: на вопрос о том, на какой срок они хотели бы уехать, более 70% респондентов указало срок от 1 года до 3 лет. И совершенно отсутствуют те, кто желал бы уехать на 10 и более лет. Среди представителей даргинской национальности наиболее часто указывался период от 3 до 10 лет (около 40%), на 10 и более лет хотело бы уехать 25% опрошенных.

При всей полиэтничности нельзя отрицать культурной общности дагестанцев. Представитель дагестанской общности формировался как под влиянием местных обычаев (адатов), так и под сильным воздействием мусульманских этических норм. С течением времени (в основном за последние 100 лет) его менталитет претерпел значительную трансформацию под влиянием русской культурной традиции в особый тип – евразийский мен-

талитет. На современном этапе дагестанец все активнее впитывает в себя ценности западноевропейской культуры, но параллельно осмысливает ценности мусульманской культуры. «Исторически сложились такие особенности поведения дагестанцев, как необычное сочетание индивидуализма и корпоративности. Стремление к свободе, защите традиционных ценностей, к успеху в индивидуальном труде выработало установку к личному преуспеванию в освоении сфер экономической деятельности и создало инновационную личность. С другой стороны, опора на социальные гарантии со стороны общества, на выработанные коллективом правила поведения, на родственные связи породила необходимость органических взаимодействий с определенным коллективом»<sup>3</sup>.

Поведение дагестанца в новом для него этносоциальном окружении значительно трансформируется и весьма отличается от того, которое было присуще ему у себя на родине. Он довольно быстро адаптируется на новом месте жительства. Для него не характерно создание анклавов с обособленной от внешнего мира субкультурой. Если же описать социокультурное поведение дагестанца в новой этносоциальной среде, то его можно охарактеризовать согласно определению «многокультурного человека», данному отечественным философом Андреем Родиным: «многокультурный человек не будет распространять ценности, нормы и образцы своей родной культуры за ее пределы, а будет осваивать другие культуры с их специфическими нормами, ценностями и образцами»<sup>4</sup>.

Дагестанцы мигрируют в основном в те регионы, с которыми ранее уже были налажены связи через знакомых или родственников будущих переселенцев. В первую очередь, это Москва и Московская область (показатель валовой миграции в 2003 г. около 2000 чел.), Ставропольский край (ВМ около 3000 чел.), Астраханская и Ростовская области (ВМ по 1000 чел.), Тюменская область (ВМ почти 3200 чел.), а из зарубежных стран – Азербайджан, Казахстан, Германия и Израиль. Основную и самую активную часть мигрантов составляют представители экономически активного населения. В 2003 г. около 82% мигрантов составили лица трудоспособного возраста, около 11% – лица моложе трудоспособного возраста (дети мигрантов) и меньше всего среди мигрантов людей старше трудоспособного возраста. Женщин чуть больше половины (52%) и, кроме того, доля лиц моложе и старше трудоспособного возраста у женщин примерно одинакова. Наиболее активные возрастные группы среди мигрантов 20-24 года и 30-39 лет, как у мужчин, так и у женщин. Меньше всего миграционную активность проявляют лица в возрасте от 50 до 59 лет<sup>5</sup>. В последние

---

<sup>3</sup> Ахмедуев А. Ш., Сагидов Ю. Н., Цапиева О. К. Проблемы экономических трансформаций в Дагестане. – Махачкала, 2003.

<sup>4</sup> Родин А. Мультикультурализм и новое Просвещение // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 /25/ (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/rodin.html>).

<sup>5</sup> Эдуард Уразаев. Необходимо дать шанс... // Черновик. 2007. № 9. 9 февраля. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. - М., 2001.

4-5 лет миграционный отток из республики в остальную часть России «съедает» от 35 до 50% естественного прироста населения. В интервью (27 декабря 2006 г.) радио «Эхо Москвы» президент Республики Дагестан М.Г. Алиев, говоря о естественном приросте в пределах 25-30 тыс. чел. в год, отметил, что из них до 15 тысяч преимущественно молодых людей уезжают в другие субъекты РФ в поисках работы<sup>6</sup>.

Изменение миграционной ситуации требует изменения миграционной политики. Но для этого необходимо выяснить целый ряд вопросов. Как изменение миграционной ситуации воспринимается различными группами автохтонного и старожильческого населения и мигрантами? Какие проблемы вынужденных переселенцев требуют первоочередного решения? Какими должны быть стратегии решения данных проблем на разных территориях? Без квалифицированного ответа на эти вопросы эффективные действия по корректировке миграционной политики государства невозможны.

Сегодня уже очевидно – поиск ответов не может быть делом только государственных органов. В этот процесс должны активно включиться заинтересованные структуры гражданского общества. Такое включение состоялось, в частности, в ходе социального проекта Региональной общественной организации по поддержке беженцев и вынужденных переселенцев (г. Кизляр, РД) «Северо-Кавказский форум по миграции. Изучение ключевых факторов выработки миграционной политики на Юге РФ и выработка предложений по законодательной инициативе через экспертную оценку динамики развития миграционной ситуации в субъектах Южного федерального округа». Проект был реализован при поддержке Датского Совета по беженцам ассоциацией общественных организаций, занимающихся решением миграционных проблем в рамках Южного федерального округа – Северо-Кавказским форумом по миграции.

Приведем некоторые результаты чрезвычайно полезного экспертного опроса «Миграция в Южном федеральном округе», в котором приняли участие 308 респондентов.

По территориям эксперты распределились следующим образом: Республика Адыгея – 32, Республика Дагестан – 24, Республика Ингушетия – 9, Республика Калмыкия – 22, Кабардино-Балкарская Республика – 14, Карачаево-Черкесская Республика – 31, Республика Северная Осетия-Алания – 25, Чеченская Республика – 15, Краснодарский край – 23, Ставропольский край – 23, Астраханская область – 18, Волгоградская область – 35, Ростовская область – 37<sup>7</sup>.

Публикуемая ниже фрагментарная выборка результатов проведенного анкетирования (нумерация вопросов анкеты сохранена) представляет

<sup>6</sup> Шахбанов М. Демография и рынок труда // Черновик. 2007. № 4. 26 января, с. 8.

<sup>7</sup> Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2004 г. / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. - М., 2005, с. 61-62.

большой интерес не только для научного анализа, но, прежде всего, для тех, кто определяет векторы развития нашего общества, для политиков, для властных структур.

1. Воспринимается ли в Вашем субъекте Федерации проблема вынужденных переселенцев как острая социальная проблема, затрагивающая значительную часть населения? Из всех ответивших на данный вопрос 65,2% заявили, что миграция воспринимается в качестве социальной проблемы, 27,3% ответили «нет», 7,5% затруднились ответить.

5. Считаете ли Вы эффективной общероссийскую миграционную политику? В ответах на данный вопрос эксперты проявили высокую степень единогласия: 71,4% заявили, что не считают ее эффективной, 4,9% признали эффективной и 23,1% затруднились ответить.

6. Достаточна ли законодательная база миграционной проблемы на федеральном уровне? Эксперты критически оценивают федеральную законодательную базу решения миграционной проблемы: достаточной ее считают всего 9,8%, недостаточной – 66,1%; затруднились ответить 24,1%.

7. Достаточна ли законодательная база миграционной проблемы в Вашем субъекте Федерации? Критический настрой характерен для экспертов в оценке законодательной базы решения миграционной проблемы на уровне своего субъекта РФ: достаточной ее признали 7,9%, недостаточной – 65,6%, затруднились ответить 26,6%.

8. Как Вы оцениваете структурные изменения федеральной миграционной службы, произошедшие на протяжении нескольких последних лет?

- они способствовали улучшению работы службы – 10,4%;
- они снизили эффективность работы службы – 25,9%;
- они никак не повлияли на деятельность службы – 29,5%;
- затруднились ответить на вопрос – 34,2%<sup>8</sup>.

Результаты проведенного экспертного опроса показали, что интеграция мигрантов в местное сообщество до настоящего времени не стала основным направлением миграционной политики России. В ситуации, когда региону и, прежде всего, Дагестану навязывается очередная реставрация пограничного статуса, межкультурного рубежа, исламо-христианского пограничья, обостряется проблема маргинализации. Риск в данных ситуациях заключается в том, что мигранты и представители других меньшинств могут отступить от общества и искать агрессивные способы выражения собственной неудовлетворенности и утверждения своей идентичности. Такие сценарии не только представляют угрозу общественной безопасности и правовым нормам, но и провоцируют негативное отношение к сообществам мигрантов, создают новые препятствия на пути интеграции и социального единства. Осознавая эту опасность, необходимо приложить максимум усилий для предотвращения разрастания духа нетерпимости и насилия, представляющих угрозу для всех народов Северного Кавказа.

---

<sup>8</sup> Там же, с. 62-80.

II. Следующий аспект рассматриваемой нами проблемы связан с восприятием Дагестана за пределами Северного Кавказа. Оставляет желать лучшего и более объективного подхода характер подачи материалов о дагестанцах, о чеченцах, «горцах» и кавказцах вообще, обрушиваемых СМИ на головы своих соотечественников. Дело дошло до того, что Комитет по ликвидации расовой дискриминации ООН на своей 62-й сессии (3-21 марта 2003 г.) высказал обеспокоенность «сообщениями о распространении в общенациональных средствах массовой информации (РФ – С. М.) расистских материалов, направленных против меньшинств и подкрепляющих негативные стереотипы»<sup>9</sup>. Об этом в 2007 г. прямо и откровенно говорил в своем интервью и министр РД по делам национальностей, информации и внешним связям Э. Уразаев: «Вопрос об улучшении имиджа РД возникает из-за того, что информация о негативных событиях немедленно публикуется, а о позитивных – замалчивается. Были разные предложения по изменению этих подходов, в том числе, и через федеральные органы власти. Однако в ответ по федеральным каналам показывалось 2-3 сюжета, рассказывающих об особенностях культур народов Дагестана, а потом все возвращалось на круги своя... Центральные каналы мало внимания уделяют другим субъектам РФ, но предлагают это сделать на платной основе. То же самое – публикация позитивных материалов на платной основе – предлагают и другие федеральные СМИ; но это дорого, у нас мало для этого денег, и самое главное – неэффективно...»<sup>10</sup>.

Справедливые претензии министра Э. Уразаева к СМИ вовсе не означают однозначного требования изображать Дагестан «белым и пушистым», поскольку слава наиболее проблемного региона страны имеет под собой серьезные основания. Достаточно процитировать Сулеймана Уладиева, председателя Союза общественных объединений РД: «Клановая система организации власти, казнокрадство, взяточничество, коррупция, религиозно-политический терроризм, теневая экономика, составляющая до 70%, отсутствие независимых СМИ и нормальных выборов», – вот неполный перечень бед нашей республики, который можно дополнить имущественным неравенством, безработицей, достигающей в Махачкале 30%, а в горных районах РД – 70-80% и т. д.

Для выяснения способности нашей молодежи дать объективную оценку современной ситуации в республике и в регионе, а значит, в дальнейшем правильно подойти к разрешению многих назревших проблем современности, в период с сентября 1999 по февраль 2002 г. было проведено анкетирование студентов дагестанских государственных университетов: ДГУ, ДГПУ и их филиалов в городах Буйнакс (20,4% от общего числа опрошенных), Кизляр (41,8% от общего числа) и Махачкала (37,8% от общего числа рес-

<sup>9</sup> Заключительные замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации (62-я сессия, 3-21 марта 2003 г.). Неработавшая версия. Неофициальный перевод.

<sup>10</sup> Эдуард Уразаев. Необходимо дать шанс... // Черновик. 2007. № 9. 9 февраля, с. 8.

пондентов). Исследование основано на материалах этноконфессиональных опросов, организованных и проведенных автором самостоятельно, а также совместно с коллегами по составленным нами анкетам: «Миротворческая деятельность в республике» (анкета № 1) – адаптированная анкета РЦЭИ ДНЦ РАН, «Актуальные проблемы современности» (анкета № 2) и «Религия в жизни общества и государства» (анкета № 3).

Комплексный подход этноконфессионального социологического исследования в данном случае, как и в других (результаты которых приводятся ниже), подразумевал методологический аспект – одновременное использование методов качественного и количественного анализа и общетеоретический аспект, предполагавший дополнение уже имеющихся теоретических представлений. Опросом было охвачено 516 студентов 1-6-х курсов дневного и заочного отделений, из них по половому признаку: юношей – 48,7%, девушек – 51,3% в возрасте от 17 до 26 лет.

Национальный состав респондентов: аварцы – 23,2%, даргинцы – 21,4%, лезгины – 16,3%, кумыки – 8,6%, лакцы – 7,5%, русские – 5,1%, табасаранцы – 2,2%, агулы – 1,9%, азербайджанцы – 1,4%, рутулы – 1,3%, цахуры – 1,3%, ногайцы – 1,2%, чеченцы – 0,3%, армяне – 0,2%, татары – 0,2%, таты – 0,1%, украинцы – 0,1%.

На вопрос об эффективности миротворческой деятельности государственных органов и их роли в стабилизации общественно-политической ситуации на Северном Кавказе и в Дагестане (анкета № 1) большинство респондентов ответило, что их деятельность малоэффективна или неэффективна – 63,2%. Эффективной или достаточно эффективной ее считает всего 16,8%, а 20% студентов затруднилось ответить.

Роль общественных организаций в стабилизации общественно-политической ситуации в регионе и в разрешении межнациональных конфликтов студенты оценили как невысокую – 54,9%; не имеющую никакого значения – 26,3% и только 10,2% студентов считают ее высокой, затруднились ответить – 8,6% респондентов.

Роль национальных движений в миротворческой деятельности студенты охарактеризовали как положительную – 25,9%, как отрицательную – 24,5%, как не играющую никакой роли – 32,8%, затруднились ответить – 16,8%.

Однако мнение студентов о роли миротворчества в разрешении военных конфликтов резко «качнулось» в пользу «положительно» – 43,8% (против 16,3% – см. выше), что в значительной степени объясняется вторжением вооруженных бандформирований из Чечни в 1999 г. В то же время, 34,7% студентов считают, что оно не сыграло никакой роли, оказало отрицательную роль – 7,9% опрошенных, не ответили – 13,6%.

По мнению студентов, межнациональные отношения в Дагестане недостаточно стабильны – 39,8%, напряженные, возможны конфликты – 28,7%, стабильные – 25,6%, затруднились ответить – 5,9%.

Перечисляя причины, вызывающие напряженность в межнациональных отношениях, респонденты указали: социально-экономический кризис

– 24,4%, различные проявления национализма – 23,2%, политическое противоборство партий, национальных движений и группировок – 16,3%, ошибки в проводимой государством национальной политике – 14,2%, публикации статей и телевизионные передачи отдельных СМИ, провоцирующие национальную неприязнь – 7,7%, рост безработицы – 7,5%, национальную предубежденность массового сознания – 6,7%.

Результаты опроса свидетельствуют о недостаточном осознании студентами того факта, что нестабильность и напряженность последних лет XX века создана не широкими массами трудящихся, не политическими партиями и национальными движениями (хотя свою «лепту» они внесли), а властными структурами – они заложены в Конституции РФ, легитимирующей «практически неограниченную президентскую власть. Противостояние ветвей власти, частая и малообоснованная смена правительств, непредсказуемость политических решений, откровенное игнорирование интересов народа явились главными факторами социальной неопределенности и риска»<sup>11</sup>.

Роль религиозных организаций Дагестана в урегулировании межнациональных конфликтов и в миротворческой деятельности (анкета № 2) студенты оценили: как невысокую – 42,5%, как активную – 20,9%, недостаточно высокую – 16,8% и никакую – 15,6%, затруднились ответить – 4,2%. Против участия религиозных организаций в политической жизни республики высказалось 49,3% респондентов, тогда как за участие – 38,4%, не смогли определиться и затруднились ответить – 12,3%.

Ответы на вопрос: «Способствует ли рост религиозности населения гармонизации межнациональных отношений в республике?» распределились следующим образом: нет – 54,6%. да – 40,3%, затруднились ответить – 5,1%. Это говорит о том, что, несмотря на рост влияния духовенства на молодежь, конфессиональные организации пока не оправдали возлагаемых на религию надежд политиков и самого духовенства на быстрое и эффективное урегулирование ситуации в РД и в регионе.

Весной-осенью 2002 г. в Республике Дагестан в рамках федеральной целевой программы «Интеграция» (участники: преподаватели и сотрудники ДГУ, ДГПУ и ДНЦ РАН) было проведено социологическое исследование, целью которого являлось изучение процессов миротворческой деятельности и традиций народной дипломатии на Северном Кавказе. В опросе приняли участие 820 жителей сельских и городских населенных пунктов Дагестана, всех национальностей и уровней образования. Из них – 542 чел. в возрасте от 17 до 25 лет, 106 – до 35 лет, 94 – до 50 лет, 54 – старше 50 лет. Половозрастной состав: 46,7% – мужчины, 53,3% женщины. Уровень образования: 30,5% со средним образованием, 8,2% – со средним специальным, 51,3% – с высшим образованием. География расселения и социально-профессиональный состав: 77,5% городских жителей, 22,5% – сельских; 2,9% – рабочие, 0,7% – крестьяне, 25,4% – служащие, 2,7% – пред-

<sup>11</sup> Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. - М., 2001, с. 59.

приниматели, 2,4% – безработные, 0,2% – учащиеся старших классов, 65,7% – студенты.

Национальный состав респондентов: аварцы – 189 чел. (23,0%), даргинцы – 158 (19,2%), кумыки – 113 (13,8%), лезгины – 102 (12,4%), русские – 72 (8,8%), лакцы – 56 (6,8%), табасаранцы – 48 (5,9%), азербайджанцы – 34 (4,2%), ногайцы – 21 (2,6%), представители других национальностей – 27 (3,3%).

Большинство опрошенных невысоко оценили роль политических сил (59,6% в возрасте до 50 лет), государственных структур (48,1% – старше 50 лет), гражданских институтов (55,6% людей старше 50 лет) в стабилизации обстановки на Северном Кавказе. Самый высокий показатель значимости влияния на данные процессы оказался у политических сил.

В 2002-2003 гг. мною было оказано содействие О.В. Медяник в редактировании вопросов для интервьюирования и в проведении опросов по анкете «Этнопсихология и патопсихология лидерства». В опросе приняли участие 2010 респондентов (1008 мужчин и 1002 женщины), представителей народов Дагестана в возрасте от 17 до 65 лет.

Для проведения мониторинга в 2005 г я несколько модифицировал анкету О. В. Медяник (оставил только те вопросы, которые анализировались мной в 2002-2003 гг.) и провел анкетирование в городах РД: г. Махачкала: Дагестанский госуниверситет (ДГУ) – преподаватели и студенты (далее – п/с), Дагестанская медицинская академия (ДМА) – п/с, Дагестанский государственный педагогический университет (ДГПУ) – п/с, Дагестанский Научный Центр РАН – научные сотрудники; г. Дербент (филиал ДГУ) – п/с; г. Каспийск (филиал ДГУ) – студенты; Кизляр – студенты (ДГУ) и служащие администрации.

Среди 438 чел., опрошенных в 2005 г., аварцы составили 13,7%, агульцы – 1,4%, азербайджанцы – 5,0%, андийцы – 0,4, белорусы – 0,2%, даргинцы – 15,3%, ингуши – 0,5%, кумыки – 8,2%, лакцы – 5,5%, лезгины – 13,5%, мордвины – 0,9%, ногайцы – 1,8%, русские – 16,3%, ругульцы – 0,5%, табасаранцы – 2,3%, татары – 0,9%, украинцы – 0,9%, чеченцы – 12,7%. Проживает в городе 75,1% опрошенных, в селе – 21,7%, не указали свое местожительство – 3,2%.

Интерес представляют ответы на вопрос о национальной принадлежности: а) по паспорту и б) «кем Вы себя ощущаете» (указывается в скобках): даргинцем – 25,4% (27,1%), аварцем – 19,7% (17,5%), лакцем – 11,2% (9%), русским – 10,7% (9,6%), кумыком – 7,9% (7,3%), лезгином – 6,2% (6,2%), агульцем – 2,8% (1,6%), армянином – 2,2% (1,1%), азербайджанцем – 1,1% (0,5%), ногайцем – 0,5% (3,3%), мусульманином – 0% (0,5%).

Обобщенные результаты опроса 2005 г. дают следующую картину: на вопрос «Кем Вы себя ощущаете?» соответственно идентифицировали себя – аварцем – 4,1%, агульцем – 0,9%, азербайджанцем – 2,7%, даргинцем – 4,1%, кумыком – 5,0%, лакцем – 2,7%, лезгином – 4,3%, русским – 14,6%, ругульцем – 0,5%, ногайцем – 0,9%, татаринном – 0,5%.

По территориальному признаку свою этническую принадлежность в 2003 г. идентифицировали как «дагестанец» – 7,9%, как «россиянин» – 1,6%.

Обобщенные результаты опроса 2005 г. дают следующую картину: по территориальному признаку свою этническую принадлежность идентифицировали как «дагестанец» и представитель своей (не РД) республики – 23,5% и как «россиянин» – 16,7%.

По конфессиональному признаку определили себя как «мусульманин» – 22,4%; «христианин» – 3,2%; православный – 0,2%.

Сопоставление результатов самоидентификации наших респондентов в 2003 и 2005 гг. с результатами опроса, проведенного в 1999 г. З.М. Абдулагатовым (ДНЦ РАН) показывает, что за прошедшее время его утверждение о том, что в «Дагестане национальный фактор значимее религиозного»<sup>12</sup> уже не столь очевидно – в 2005 гг. разница составила всего 1,1%.

Данные об идентификации говорят, что определенной части представителей народностей и национальностей, проживающих на территории нашей республики, в 2002-2005 гг. была присуща как общедагестанская ментальность (она превалирует), так и общероссийская. Присоединившись к России в XIX в. дагестанцы выбрали свой путь исторического развития, что доказали события августа-сентября 1999 г., когда они дали отпор вооруженным бандформированиям, вторгшимся из Чечни. Развитию этого процесса способствует нынешняя ориентация республиканских властных структур на Россию и поддержка Дагестана центральными органами власти. Известную роль играет и экономический фактор – возможность использования общероссийского хозяйственного пространства для местных экономических инициатив и то, что Дагестан является дотационной республикой.

Расхождение между национальностью по паспорту и по самоощущению объясняется несколькими причинами: 1) распадом межнациональных браков, когда юноши и девушки из неполных семей указывали не «паспортную» (как правило, отцовскую) национальность, а материнскую; 2) желанием причислить себя к одной из «титulyных» народностей; 3) большим количеством малочисленных общностей, имеющих свое самоназвание, – в паспортах СССР они причислялись (фиксировались) к основным многочисленным автохтонным группам населения, но с началом перестройки эти малочисленные общности «вспомнили» свои самоназвания.

С переходом на рельсы рыночной экономики, демократизации общественно-политической жизни, активизировались процессы пробуждения национального самосознания народов России и, в частности, ее субъекта – Дагестана. В связи с этим был задан вопрос: «Оказавшись за границей, как бы Вы представлялись?», результаты ответов приводятся в таблице:

---

<sup>12</sup> Абдулагатов З. М. Проблемы и тенденции становления современных государственно-конфессиональных отношений в России (на примере православия и ислама) / ИИАЭ ДНЦ РАН. – Махачкала, 2006, с. 70.

| Оказавшись за границей,<br>как бы Вы представлялись? | Ответ   |         |
|------------------------------------------------------|---------|---------|
|                                                      | 2003 г. | 2005 г. |
| Я из Дагестана (из своей республики)                 | 60,4%   | 25,3%   |
| Я из России                                          | 32,2%   | 55,7%   |
| Назвали бы свою национальность                       | 5%      | 15,5%   |
| Другое                                               | 2,2%    | 3,4%    |

Причины резкого сокращения «дагестанскости» в пользу «российскости» могут быть самые разные, но, думается, главная причина в понимании малой известности Дагестана среди иностранцев, а, возможно, это было уже проверено на практике лично или кто-то поделился своим опытом.

По мнению духовенства и, к сожалению, части представителей властных структур и министерств РФ, некоторой части российской общественности, процессу стабилизации общества может способствовать повсеместное введение религиозного воспитания и образования. На протяжении последних пятнадцати-двадцати лет на постсоветском пространстве не утихают споры о преподавании религии в средней школе и вузе. Необходимость введения такого предмета (дисциплины) объясняют недостатком (запретом) конфессионального образования в советской системе образования. Прежде всего, эта инициатива исходит от представителей духовенства, а властные структуры РФ, нарушая Конституцию, дают «добро».

Демократический строй предполагает активное участие народа в управлении государством. Однако к голосу своего народа руководство страны прислушивается далеко не всегда, поэтому мнение о том, какой человек может быть полезным для государства и общества, нередко навязывается сверху. В качестве примера приведем результаты анализа российского интернет-сайта Global Rus, который обратился к посетителям с вопросом: «Необходимо ли в России религиозное образование?». На вопрос ответили 3635 посетителей сайта: 49,8% из них считают, что в многоконфессиональном государстве, каким является Россия, в школе нет места ни для священнослужителей, ни для преподавания религии. 31,3% опрошенных считают, что в общеобразовательных школах должна преподаваться религиозная или православная культура, но не законы религии. Только 8,7% опрошенных считают необходимым преподавание законов и запретов религии в школе.

Подавляющее большинство опрошенных нами в 2003 и 2005 гг. сельских и городских респондентов-дагестанцев (старшеклассники, студенты, работающая молодежь в возрасте от 15 до 25 лет) идентифицировали себя как «мусульмане». Вместе с тем, роль религиозных организаций в урегулировании межнациональных конфликтов и в миротворческой деятельности респонденты оценили: как невысокую – 42,5%, как активную – 20,9%, недостаточно высокую – 16,8%, «никакую» – 15,6%, затруднились ответить – 4,2%.

Против участия религиозных организаций в политической жизни высказалось 49,3% респондентов, тогда как за участие – 38,4%, не смогли определиться и затруднились ответить – 12,3%<sup>13</sup>.

Ответы на вопрос: «Способствует ли рост религиозности населения гармонизации межнациональных отношений в Дагестане?» распределились следующим образом: нет – 54,6%, да – 40,3%, затруднились ответить – 5,1%. Это говорит о том, что, несмотря на рост влияния духовенства на молодежь, конфессиональные организации пока не оправдали возлагаемых на религию надежд ни самого духовенства, ни политиков на быстрое и эффективное урегулирование ситуации в Дагестане и в регионе.

Думается, что в ближайшее время ситуация в корне не изменится, а значит, следует искать и другие рычаги (механизмы), способные привести к толерантным взаимоотношениям между представителями разных конфессий.

В качестве основных приоритетов в деле перехода от нестабильности к восстановлению и устойчивому развитию можно выделить следующие: 1) выработка последовательной стратегической программы федерального центра в отношении Северного Кавказа с учетом специфики его субъектов; 2) учет таких уникальных особенностей региона, как сильное развитие традиционного права и культуры в целом, возрастание этнополитической роли ислама, а также распространение экстремистских религиозных идеологий; 3) оптимизация силовых структур и укрепление человеческой безопасности в регионе; 4) определение основных направлений работы и реализация соответствующих мер по переходу от конфликтов к восстановлению и устойчивому развитию республик и региона, к поднятию их имиджа. Это преимущественно задача российского правительства, однако требуется финансовая, политическая и техническая помощь международных партнеров для ее успешного выполнения.

---

<sup>13</sup> Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. С. И. Муртузалиева, В. Н. Цатурова. – Махачкала, 2003.